TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 491 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТИПОЛОГИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ РУССКО-ЭСТОНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

ТРУДЫ
ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
XXXI

ТАРТУ 1979

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-х — 1850-х ГОДОВ

П. С. Рейфман

Статья вторая

15 декабря 1856 г. служащий Московского главного архива П. И. Бартенев, позднее известный библиограф, издатель-редактор журнала «Русский архив», просил московский цензурный комитет разрешить ему издание еженедельной газеты «Молва» и прилагал к прошению «Программу предполагаемого периодического издания, под названием «Молва»»[1]. Прошение обсуждалось на заседании комитета 11 января 1857 г., где было решено запросить главный архив и узнать, не будет ли препятствий со стороны служебного начальства Бартенева[2]. Связавшись с министерством иностранных дел, в ведении которого находился архив, его управляющий 21 января сообщил комитету, что на редакторскую деятельность Бартенева товарищ министра согласия не дал[3]. На заседании 25 января цензурный комитет заслушал это решение, принял его к сведению, на чем история «Молвы» Бартенева оказалась исчерпанной.

Однако на том же самом заседании комитет обсуждал прошение кандидата Московского университета С. М. Шпилевского и предложенную им программу. Прошение было датировано днем заседания комитета, 25-м январем, предполагаемая газета называлась, как и у Бертенева, «Молва», а программа ее буквально повторяла то, что значилось в бартеневской программе[4]. Речь шла, по сути дела, о той же газете, члены комитета, конечно, понимали это, но, не вдаваясь в детали, они рассмотрели прошение и отослали в тот же день его в Главное управление цензуры, приложив программу, свидетельство о благонадежности Шпилев-

---

[1] МГА (Московский городской архив), ф. 31 (Московский цензурный комитет), оп. 5, № 382, л. 40. Далее: № 382.
[2] Там же, № 379, л. 15. Далее: № 379.
[3] № 382, л. 24.
[4] № 379, лл. 20 об., 21—21 об.

ского и мнение комитета, что не имеется препятствий к удовлетворению просьбы[5].

После того, как III отделение 8-го февраля дало согласие на новое издание, Главное управление просило министра просвещения доложить царю о просьбе о «Молве». Доклад был подан, и 17 марта Александр II наложил на нем резолюцию: «Согласен», о чем 21-го уведомлен попечитель Московского учебного округа[6]. Таким образом, «Молва», хотя и с проволочками, но чисто формальными, не затрагивающими вопроса о направлении и составе редакции, была утверждена.

Между тем и Бартенев, и Шпилевский выдвигаются как кандидатуры редакторов официальных, а не фактических. За их именами скрывалась группа московских славянофилов, Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) — подлинный редактор и идейный руководитель «Молвы».

Славянофилам приходилось волей-неволей обращаться за помощью к редакторам подставным, так как правительство вряд ли бы разрешило славянофильскую газету. В 1852 — в начале 1853 гг., в связи с выпущенным славянофилами «Московским сборником», разразился громкий скандал. Второй том сборника был запрещен. Участникам его, по высочайшему повелению от 3 марта 1853 г., приказали не печатать без особого разрешения свои произведения, отняли у них право редактировать какое-либо издание[7]. Министр просвещения 10 марта известил о распоряжении царя все соответствующие инстанции[8]. На это распоряжение ссылалось позднее неоднократно цензурное ведомство, когда речь шла о попытках напечатать даже самые безобидные произведения славянофилов[9].

К моменту хлопот о «Молве» положение, правда, довольно существенно изменилось. Во всю уже ощущались «новые веяния». Общая журнально-цензурная атмосфера стала иной. Изменилось и отношение властей к славянофилам непосредственно. В начале 1856 г. прежнее запрещение славянофилам печататься было пересмотрено новым царем. После продолжительных хлопот и сложных переговоров им разрешили издавать журнал «Русская беседа»[10]. Об этом сообщал 3-го февраля 1856 г. министр просвещения, извещая о высочайшем повелении снять запрет 1853 г.[11]. Тем

---

[5] ЦГИАЛ, ф. 772 (Главное управление цензуры), оп. 1, 1857, № 4052, лл. 2—5. Далее: № 4052.

[6] Там же, лл. 9—11, 14.

[7] Там же, 1852, № 2819, л. 189.

[8] Там же, л. 202.

[9] ф. 772, оп. 1, 1854, № 3270, лл. 1, 3, 8, № 3298; 1855, № 3746 и др.

[10] См. Н. Колюпанов. Биография Александра Ивановича Кошелева, т. II, М., 1892, с. 234—239.

[11] ф. 772, оп. 1, 1856, № 3833, л. 1—2.

не менее, Московский цензурный комитет боялся брать на свой риск пропуск славянофильских произведений и запрашивал о них Главное управление цензуры, ссылаясь на прошлый высочайший запрет, хотя и измененный [12].

Разрешение «Русской беседы» для славянофилов было обнадеживающим прецедентом, но коренным образом дела не меняющим. «Русская беседа», скорее даже не журнал, а альманах, сборник, выходила редко, четыре раза в год. Различие между изданием такого типа и еженедельной газетой было весьма существенным. Даже на такой полужурнал-полуальманах согласия добиться оказалось далеко не просто. Трудности должны были неминуемо возрасти, когда речь пойдет о газете. Редакция «Молвы» понимала все это.

Несмотря на изменившуюся атмосферу, у славянофилов имелись влиятельные противники, рассматривавшие их как «ниспровергателей основ». В «Секретных бумагах Арсения Андреевича Закревского», московского военного генерал-губернатора, относящихся к 1858—1859 гг., в «Списке неблагонамеренных людей в Москве» славянофилы стояли на первом месте. Сперва здесь значились Константин и Иван Аксаковы, далее шли Хомяков, Кошелев и другие [13]. В бумагах Закревского хранилась и «Записка о разных неблагонамеренных толках и неблагонамеренных людей» (так — *П. Р.*). В ней, как и в «Списке», прежде всего речь шла о славянофилах: «По разным слухам и секретным негласным дознаниям, можно предположить, что так называемые Славянофилы составляют у нас тайное политическое общество. Славянофилы появились после Польской революции, в виде литературного общества любителей Русской старины. Центр этого общества — Москва» [14]. Автор «Записки» обращал внимание на славянофильские издания («Русскую беседу», «Сельское благоустройство»), на круг их сотрудников (Кошелева, Хомякова, Аксаковых, Самарина). Он сообщал, что, по слухам, славянофилов финансирует В. А. Кокорев, купцы «нового поколения». «Общество славянофилов, — отмечается в «Записке», — развивает общинные или демократические начала. Оно состоит из лиц разных сословий — дворян, чиновников, купцов, мещан, людей духовного звания и ученых. Вредное по своему составу и началам, общество это надеется на какое-то покровительство и смело распространяет круг своих действий» [15].

Наивно было бы воспринимать сведения, содержащиеся в бумагах Закревского, как фиксацию истинного положения вещей. Многое здесь было совершенно фантастическим. В числе лиц,

---

[12] Там же.

[13] ИРЛИ, Р I (personalia), оп. 10, № 9, л. 6—7. Далее: ИРЛИ, № 9. Материалы опубликованы в «Русском архиве», 1885, кн. II, № 7, с. 447—452.

[14] Там же, л. 3.

[15] Там же.

желающих беспорядков, переворотов, готовых на все, значились, наряду со славянофилами, М. П. Погодин, близкий теории «официальной народности, Н. Ф. Павлов, вскоре начавший издавать официозное «Наше время», миллионер-откупщик В. А. Кокорев, издатель-редактор «Русского вестника» М. Н. Катков и «ниспровергатели» подобного же толка. Тем не менее, оппозиционный, неофициальный дух кружка славянофилов в «Записке» уловлен верно. Верно отражает она и отношение к славянофилам многих влиятельных лиц, враждебность людей типа Закревского, сочувствие определенных либерально-правительственных кругов.

Именно на поддержку последних рассчитывал К. С. Аксаков, посылая в Петербург «пробивать» новое издание его официального редактора Шпилевского. Тот сообщал Аксакову в письме от 12 марта (1857 г.), что дело двигается медленно, что «до сих пор министр еще не подписал доклада Императору и когда подпишет — неизвестно»[16]. Шпилевский писал, что был «неделю тому назад <...> у Вяземского, который обещал мне напомнить об «Молве» министру»[17]. По словам Шпилевского, лучше всего в пользу «Молвы» действовать через директора канцелярии министерства народного просвещения А. А. Берте, что к нему «необходимо найти ход»[18]. Шпилевский собирается попросить Вяземского через А. Н. Попова, чтобы тот сказал Берте о «Молве». Он думает, что разрешение дадут, так как есть согласие Главного управления цензуры, что важнее всего. В конце письма Шпилевский возлагает надежды «на Бога и *добрых людей*»[19]. Видимо, последние играли немаловажную роль во время хлопот о «Молве».

Вскоре Шпилевский извещал Аксакова, что «Главное Правление Цензуры уже разрешило мне издание журнала; вчера я видел в министерстве по моему делу черновой. Всеподданнейший доклад, который будет на днях представлен на Высочайшее утверждение. Итак, слава Богу, скоро появится первый нумер «Молвы». По получению Высочайшего утверждения, я дам вам знать об этом, по вашему желанию, по телеграфу»[20].

Наконец 17-го марта согласие царя было получено. Шпилевский посылает об этом телеграмму, а затем письмо от 20-го марта. Из всех трех писем, хранящихся в архиве Аксаковых, видно совершенно ясно, что официальный редактор «Молвы» — лишь доверенное лицо, что подлинным хозяином новой газеты, идейным руководителем ее с самого начала является К. С. Аксаков. Шпилевский справляется у него о всех деталях: нужно ли при-

---

[16] ИРЛИ, ф. 3 (архив Аксаковых), оп. 9, № 89, л. 108. Далее: ИРЛИ, № 89.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же, л. 109. Курсив мой — *П. Р.*

[20] Там же, л. 105.

тласить к сотрудничеству в «Молве» молодых петербургских ученых (Пыпина, Пекарского, Ламанского), следует ли договориться с кем-либо из петербургских книгопродавцов об открытии подписки на «Молву», какой напечатать текст объявления и т. п. Шпилевский обещает Аксакову вернуться не позднее, чем через две недели в Москву и «явиться к вашим услугам в лестном для меня звании редактора «Молвы»»[21].

Добиваясь разрешения на новую газету, редакция подчеркивала в программе, что речь идет об издании чисто литературном, не претендующем на политические оценки, на обзоры внутреннего положения. Правда, уже здесь заметно стремление выйти за узкие литературные рамки. Указывалось, что направление «Молвы» должно быть «*преимущественно* критическим и литературным»[22]. Главными объявлялись отделы «Изящной словесности» и «Критики и библиографии», но предусматривались и другие отделы («Современные заметки», «Смесь»). «Современные заметки», согласно программе, могли включать в себя письма иногородных корреспондентов, известия «о разных достопримечательных явлениях в сфере народного просвещения, распространения знаний вообще, искусства, промышленности, торговли, сельского хозяйства, также о любопытных явлениях физических и метероологических», сообщения «о народных увеселениях и ученых собраниях, равным образом и некрологи замечательных лиц; кроме того известия географические и путешествия»[23].

О содержании отдела «Смесь» в программе говорилось довольно неопределенно. Сюда должны были включаться заметки, которые из-за небольшого их размера не подходили для других отделов. Но редакция, видимо, вовсе не собиралась ограничивать литературной тематикой содержание таких заметок. Да и сама критика отнюдь не сводилась к критике литературной. Она включала разборы и критические оценки «разных произведений по предметам литературы, искусства, наук, в том числе политической экономии, статистике, сочинений о сельском хозяйстве, торговле, промышленности и пр.»[24].

Таким образом, редакция делала в «Программе» заявку на издание в достаточной степени разностороннее, имеющее право касаться многих аспектов русской действительности. Но такая установка маскировалась. На первый план выдвигались, акцентировались задачи чисто литературные. «Молва» противопоставлялась изданиям политическим и отраслевым, экономическим, таким как «Земледельческая газета». Таких изданий, по словам редакции, существует немало, но «не имеется периодического

---

[21] Там же, л. 106.
[22] № 382, л. 11. Курсив мой — *П. Р.*
[23] Там же, л. 11 об.
[24] Там же, л. 11.

издания, которое бы преимущественно посвящено было критике и легкой словесности. Предполагаемая Газета должна служить пополнением этого недостатка в текущей литературе»[25]. Редакция обещала регулярно печатать произведения «изящной словесности», статьи и разборы, «касающиеся вообще как до современной, так и до прошедшей литературы, биографические известия о писателях, биографические справки и указания»[26]. Главной задачей и главной целью «Молвы» объявлялось «оживление умственного интереса в сфере критики и литературы»[27].

О политике в обзоре всех четырех отделов предполагаемой газеты не говорилось ни слова. Также тщательно обходился вопрос о будущем направлении «Молвы» (если не считать общих слов о преимущественно литературных интересах). Даже намеком не упоминались характерные для славянофилов установки, симпатии и антипатии. Не шла речь и о передовых, выражавших позднее мнение редакции по важнейшим общественным вопросам современности, передовых, столь значимых для «Молвы», вызывавших особое недовольство цензуры. Конечно, такие недомолвки были не случайными. Редакция, учитывая сложное отношение властей к славянофилам, предпочитала не касаться в программе острых вопросов. Впрочем, так поступали чаще всего и редакторы других изданий.

Редакция сообщала в программе, что будет помещать в газете, в основном, оригинальный материал, но иногда собирается публиковать и переводы.

11 апреля 1857 г. подписан к печати, а 13 апреля увидел свет первый номер «Молвы». Уже в нем, в статье «Обозрение современных журналов», редакция формулировала ряд особенностей своего направления. Говоря о «Русской беседе», автор «Обозрения» сближал с ней «Молву», отмечал, что направление, сказывающееся в журнале Кошелева, родилось 15 лет назад, было встречно бранью, насмешками; его суть искажали, сторонников его петербургская журналистика назвала «славянофилами», хотя название это не соответствует истине; само же направление, вытекающее из «разумного и справедливого требования самостоятельности» (с. 5), направленное против подражательности, выразилось прежде всего в «Московских сборниках» 1846, 1847, 1852 гг., в «Сборниках», издаваемых Валуевым, и «в некоторых только статьях «Москвитянина», который, по собственному признанию, держится среднего направления между Славянофильским и Западным» (с. 5).

Редакция дает понять, что она, разделяя направление «Русской беседы», сможет дополнять ее, более мобильно откликаясь

---

[25] Там же, л. 12.
[26] Там же, л. 11 об.
[27] Там же, л. 12.

на события, выходя еженедельно, а не 4 раза в год. В то же время редакция стремится отмежеваться от «Москвитянина», говоря о близости славянофильству лишь некоторых его материалов, т. е. статей, написанных славянофилами.

С первого же номера редакция сближала свою газету и с другой журнально-литературной традицией, с традицией «Молвы» 1830-х годов. В отделе «Смесь» этого номера опубликовано ««Письмо к редактору «Молвы»», подписанное: «Сотрудник «Молвы» 1832 года». Автор его, заявляя, что издатели новой газеты так и не узнают его имени, приветствовал воскрешение прежней славной традиции, сказавшееся в названии аксаковского издания. На самом деле имя автора письма было, очевидно, хорошо известно редакции. За псевдонимом «Сотрудник «Молвы» 1832 года» скрывался С. Т. Аксаков, отец редактора, который и на самом деле в 1832 году печатался в «Молве»[28]. В «Телескопе» Надеждина сотрудничал и К. С. Аксаков.

Автор «Письма к редактору» напоминал о Надоумко (Надеждине), хвалил статьи П. Щ., «хотя немножко семинарские, но едко написанные» (с. 10), вспоминал о битве за Мочалова, против Каратыгина.

Аксаков далеко не во всем принимал надеждинскую «Молву», указывал, что выходки ее были иногда слишком резки и грубы, что они не в духе нынешнего времени. И тем не менее, по словам Аксакова, настоящее нельзя отделить от прошлого. Таким образом, две «Молвы» в письме в какой-то степени сближались друг с другом. Это сближение, видимо, определялось отношением славянофилов к Надеждину, к его концепции «европеизма и народности», к отрицанию им «чужеядства», подражательности. Но обращение к традиции надеждинской «Молвы» воскрешало, конечно, и имя Белинского, хотя непосредственно о нем в письме не говорится. Возможно, такое воскрешение Белинского периода «Молвы» и «Телескопа», с его борьбой за самобытность и оригинальность литературы, против внешней подражательности и т. п., в какой-то степени противопоставлялось Белинскому позднему, сотрудничающему в «Отечественных записках» и «Современнике», но все же оно было весьма знаменательным. В самом замысле аксаковской «Молвы», в ее названии, в акцентировке уже с первого номера близости с определенными предшественниками сказывалось стремление редакции ориентироваться на лучшие традиции русской журналистики, связанные с именем Белинского.

И не случайно передовая № 1, («Москва, 12 апреля»), была посвящена борьбе за свободу слова. По мнению автора, вторжение грубой принудительной силы в вопросы нравственные крайне

---

[28] С. Машинский. Сергей Тимофеевич Аксаков. См. С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах. Т. I, М., 1955, с. 33.

вредно. Даже тогда, когда такая сила стремится подкрепить истину, она лишь подрывает ее; лучше иметь грубую силу врагом, чем союзником. В статье утверждается, что спор и борьба — неотъемлемое право человека и человечества, но люди ищут истину разными путями, они могут добросовестно ошибаться. Автор осуждает насильственное подавление слова и мысли. Он цитирует стихотворение А. С. Хомякова «Давид», направленное, по утверждению П. И. Бартенева, против «московского митрополита Филарета, когда тот, в борьбе с старообрядчеством, прибегал к полицейской власти»[29]. Истина, по Аксакову, рождается лишь в столкновении разных мнений, и каждое из них, если оно искренное, заслуживает уважения. Не исключено, что борьба за свободу слова, начатая уже в передовой первого номера «Молвы», также ориентирована в какой-то степени на традицию Белинского, на его письмо к Гоголю, где упоминается и «татарская цензура» и молодые силы, которые рвутся наружу, «не находя исхода», «сдавленные тяжелым гнетом»[30]. Такое предположение тем более закономерно, что К. С. Аксаков в свое время резко осудил «Выбранные места из переписки с друзьями», писал о них Гоголю с негодованием в 1848 г.[31].

Возможно, борьба за свободу слова ориентирована и на Герцена, который совсем недавно, в передовой «Полярной звезды» за 1856 г. объявил «потребность «*гласности*» существеннейшей частью своей программы, провозгласил лозунг: «Долой дикую цензуру»[32]. Знаменательно, что извещение о выходе «Колокола», где, при перечислении первоочередных программных требований, на первом месте стояло: «ОСВОБОЖДЕНИЕ СЛОВА ОТ ЦЕНЗУРЫ», появилось, как и «Молва», 13 апреля 1857 г.[33].

Конечно, борьба за свободу слова у Белинского, Герцена, славянофилов имела не однозначный смысл. У последних свободное слово объявлялось единственным оружием нравственной силы, утверждения истины; борьба мысли, по мнению Аксакова, «должна совершаться лишь в области свободного убеждения, в области слова» (с. 2). Аксаков стремится доказать, что свободное слово «драгоценно для правительства, которому нужно знать, чего желает и как думает страна, им управляемая» (№ 12, с. 133).

В подобных высказываниях отчетливо заметна ориентация на мирный путь развития. Но такая ориентация не снимала оппозиционного звучания высказываний «Молвы» о свободе слова. Цензурные инстанции вообще не любили толков на эту тему, даже выраженных в самой абстрактной форме. Так, например,

---

[29] См. А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л., 1969, с. 123, 564.
[30] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. X, М., 1956, с. 217.
[31] Н. М. Павлов. Гоголь и славянофилы. — «Русский архив», 1890, кн. I.
[32] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 тт. XII, М. 1957, с. 312. Далее: Герцен.
[33] Там же, с. 358.

Главное управление цензуры не разрешило печатать статью К. Аксакова «Несколько мыслей об отношении добра и зла», предназначенную для газеты «День». Московский цензурный комитет, посылая статью в Главное управление, отмечал, что ее автор отвергает путь насилия в борьбе со злом, что свои выводы он не применяет ни к России, ни вообще к государству. Но утверждения Аксакова, что злу «необходимо дать свободу высказаться и отдать его на суд общий», что «самое верное средство противу зла, против лжи — есть путь свободного убеждения, путь слова», вызывают серьезные опасения комитета. Цензоры беспокоятся, что «читатель, увлекшись аргументацией автора, может усомниться в законности и необходимости понудительных мер, употребляемых в данных случаях Правительством, — или в рациональности и в нравственности принципа цензурных учреждений, у нас существующих» [33а].

Такого рода высказывания Аксакова о свободе слова в какой-то степени напоминают сформулированные позднее, в «Круглом годе», выводы Салтыкова-Щедрина о праве литературы на «неприкосновенность», на независимость от «сферы пресечения и предупреждения», о признании литературы «всецело», с «заблуждениями», «со всеми уклонениями и осложнениями, даже с московскими кликушами <...> ведь они пройдут, исчезнут <...> одни только усилия честной мысли останутся незыблемыми» [33б]. Конечно, понимание «зла», «заблуждений» у Аксакова и Щедрина различно, но отношение их к сфере «пресечения» во многом одинаково.

Далеко не официальным было и отрицательное отношение славянофилов к деятельности Петра I, к истории России за последние полтораста лет. Такое отношение не раз проявляется и в «Молве». Оно не всегда высказано с полной ясностью, иногда принимает форму не столько прямого отрицания послепетровской России, сколько утверждения, что и до Петра страна имела свою значимую и ценную историю. Об этом идет речь в передовой № 4 «Москва, 3 мая». Автор полемизирует здесь с «западниками», с теми, кто считает, что Россию создал Петр, что она начала жить человеческой жизнью лишь полтораста лет назад, что допетровская Россия — что-то ненужное, бессмысленное и дикое. Такому взгляду в статье противопоставляется точка зрения славянофилов, считающих, что и до Петра Россия имела свой путь, свои начала, что эти начала — залог ее будущего преуспеяния, что живая связь со стариной необходима, что Россия должна обратиться «не к формам, конечно, но к своим древним основным началам, к жизненным сокам корней своих» (с. 41). Прямой кри-

---

33а ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, 1861, № 5840, л. 1 об.-2.

33б М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт. Т. 13, М., 1972, с. 459, 461.

тики петровских реформ здесь нет, но недоброжелательное отношение к ним проглядывает все же довольно отчетливо.

То же самое можно сказать о передовой № 6 «Москва, 17 мая». Здесь не говорится, что путь, намеченный Петром, ошибочный, но подчеркивается, что славянофилы считают, что истинный тот путь, которым Россия шла прежде.

В передовой № 7 «Москва, 24 мая» антипетровские тенденции выражены более резко. Здесь утверждается, что полтораста лет назад произошел разрыв в истории России, что верхние слои оторвались от своего прошедшего, от народа; за полтораста лет они не произвели ничего самобытного в общем деле человечества, рождали лишь бледные явления, не имеющие под собой почвы, точки опоры.

В «Заметке», опубликованной в № 38, утверждается, что сторонники Петра, отрицающие значимость допетровской России, должны бы быть последовательными и принять мнение Канкрина, предлагавшего назвать Россию Петровией, а ее жителей петровцами.

Подобное мнение о деятельности Петра и особенно об истории России за последние полтораста лет звучало в достаточной степени неблагонамеренно. Напомним, что официальная точка зрения на этот предмет была высказана Бенкендорфом М. Ф. Орлову по поводу «Философического письма» Чаадаева, напечатанного в «Телескопе»: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более, чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение; вот, мой друг, точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана»[34].

Знаменательно, что «официальная народность», «Москвитянин» к Петру относились в высшей степени положительно. Первый номер «Москвитянина» открывался программной статьей его издателя, М. П. Погодина, «Петр Великий». Погодин восторженно хвалил Петра, оправдывал его деятельность, защищал от всех нападок. Автор утверждал, что «преобразования Петровы были необходимы по естественному ходу вещей в самой России», что сам «Петр Великий был гений, которому мало подобных представляет история», «сокровище русской истории»[35]. Восторженное отношение к Петру здесь определялось тем, что Петр — царь, один из наиболее ярких носителей самодержавной власти. Похвалы ему отражали общее отношение «официальной народности» к русскому самодержавию вообще, к ныне царствующему императору в частности. Не случайно статья Погодина оканчивалась славословием Николаю I.

---

[34] См. М. Лемке. Николаевские жандармы и литература. Изд. 2, СПб., 1909, с. 411.

[35] «Москвитянин», 1841, № 1, с. 16, 21—22.

Как известно, статьи Белинского о Петре, в которых деятельность последнего истолковывалась в духе революционного отрицания старых, отживших основ, были исковерканы цензурой, публикацию их пришлось прекратить. Сообщая об этом Боткину в письме от 27 июня 1841 г., отмечая, что статья о Петре воспринята цензурой «как опасная и вредная для России вещь», Белинский добавляет: «Да здравствует Погодин и Шевырев — вот люди-то! Да здравствует «Москвитянин» — вот журнал-то»[36].

Итак, официальная точка зрения на Петра — точка зрения, отраженная в «Москвитянине» — связывала воедино восхваления Великого царя и самодержавной власти в целом. Ни хвалить его как отрицателя, противопоставлять современным правителям, ни хулить его, отвергать его деятельность, с точки зрения властей, не следовало. Славянофилы были повинны в последнем «грехе». Естественно, во второй половине 1850-х гг. положение в значительной степени изменилось. В первые годы правления нового царя критика прошлого даже поощрялась властями, но до известного предела. Славянофильское отрицание последних 150 лет истории России даже в это время казалось чрезмерным. Ведь речь, в сущности, шла о двух третях правления династии Романовых. Что же касается неприятия Петра, то оно в какой-то мере выглядело в глазах цензуры в начале «эпохи великих реформ» даже более неприемлемым, чем ранее. Ведь деятельность Александра II проецировалась многими на эпохи Петра I и Екатерины II. Такая проекция сказывалась, в частности, в книгах А. Н. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов» (М., 1859) и П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862), вызвавших, как известно, отрицательные отклики Добролюбова и Писарева[37].

Деятельность Петра отрицалась славянофилами, в первую очередь, оттого, что он, по их мнению, направил Россию по пагубному для нее западному пути, презирал национальное и самобытное. Но для них был неприемлем и деспотический произвол Петра, упрочение им чиновничьего аппарата, концентрация власти в руках администрации, правительственных инстанций. Уже в «Смеси» № 1 говорилось о том, что «внешняя централизация гибельна».

Качества, отвергаемые славянофилами, когда речь шла о Петре, осуждаются ими и при оценке носителей самодержавной

---

[36] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XIII, М., 1956, с. 54—55. Далее: Белинский.

[37] См. статьи «Русская сатира екатерининского времени» Добролюбова и «Бедная русская мысль» Писарева. Напомним, что комедия Аксакова «Князь Луповицкий», вышедшая отдельным изданием в Лейпциге, была запрещена к ввозу в Россию в частности и за то, что в ней «усмотрены <...> неблагонамеренные толки о преобразованиях императора Петра Великого» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, 1858, № 4333, л. 3).

власти допетровских времен. Резко отрицательно отзывается «Молва» о деятельности Ивана Грозного. Похвалы этой деятельности, по мнению, высказанному в «Заметке» № 28, — лучшее свидетельство несостоятельности исторических взглядов С. М. Соловьева.

Критикуя Грозного, автор «Заметки», как вообще характерно для редакции «Молвы», ставит проблему не в социальном, а в этико-религиозном плане; для него введение опричины и семь жен Ивана Грозного — явления одного ряда.

Петр I и ему подобные неприемлемы для редакции «Молвы» и как носители личного начала, произвольно-насильственно навязываемого народу. В газете вовсе не отрицалось всякое личное начало, но, по мнению К. Аксакова, отдельные личности, служа делу общественного развития, «тогда только могут <...> что-нибудь сделать, когда между личностями и простым народом есть непрерывная живая связь и взаимное понимание» (передовая № 9, с. 97). Сходным образом решал вопрос и Белинский, хотя он и славянофилы приходили к совершенно различным конкретным выводам: Белинский, признавая такую связь, доказывал правомерность петровских реформ; славянофилы, считая, что связи нет, отвергали нововведения Петра. Последнее было ошибкой, но вопрос о роли личности в истории ставился в «Молве» во многом правильно.

Принимая в общем монархический принцип, редакция «Молвы» избегала похвал конкретным носителям самодержавной власти. Ничего не говорилось, в частности, об Екатерине II, об Александре I. Да и об Александре II газета предпочитала хранить молчание. В последнем случае такая сдержанность определялась, видимо, не неприязнью, а опасением показаться раболепными.

Для «Молвы» было характерно решительное неприятие крепостного права. Особенно взволнованно и убежденно мысль о необходимости уничтожения крепостничества высказана в передовой № 20, короткой, но совершенно недвусмысленной. Отметив, что не всем дан удел свободного труда, упомянув для приличия о подневольном труде негров, Аксаков заканчивал передовую страстной апологией свободного труда: «Мы видим это, и сердце наше скорбит. Труд свят и волен по существу своему. Вольный труд — спор и плодоносен; с ним мир и спокойствие. Твердо уповаем, что Господь благословит и всех людей своим благословением вольного труда» (с. 227).

Знаменательно, что передовая о свободном труде была одной из «первых ласточек». Она опубликована в августе 1857 г., за несколько месяцев до рескриптов Александра II Виленскому и Петербургскому генерал-губернаторам, положивших начало ши-

рокому обсуждению крестьянского вопроса на страницах русской журналистики.

Знаменательно и то, что возлагая надежды на мирное решение крестьянского вопроса, на правительство (такие надежды характерны в это время и для Герцена), редактор «Молвы» весьма отрицательно относился к административной регламентации в деле подготовки и проведения реформы, в чем сказывалась утопическая противоречивость его позиции и что позднее отразилось в резких критических замечаниях Аксакова «Замечания на новое административное устройство крестьян в России» (Лейпциг, 1861).

Антикрепостническая направленность выступлений «Молвы» вызвала суровое осуждение в правительственных кругах. П. А. Вяземский, в это время товарищ министра Народного просвещения и член Главного управления цензуры, по поводу ряда статей, предназначенных для «Молвы», касавшихся «крестьянского вопроса», «одергивал» редактора, запрещая рассуждения о крепостном праве[38].

Характерной особенностью славянофильского направления с первых же статей «Молвы» провозглашается народность. О ней, как о великой силе, связывающей людей, идет речь в передовой № 2, «Москва, 19 апреля». Само такое провозглашение еще не много значило. Под флагом народности, как известно, выступали сторонники самых различных точек зрения, представители противоположных общественно-политических лагерей. К народному авторитету обращалось и правительство, и официальные литераторы типа Кукольника, и Погодин с Шевыревым, и Катков, и многие другие. В то же время борьбу за народность последовательно вели передовые общественные круги, декабристы, Пушкин, революционные демократы. В шестидесятые годы только «Весть» противостояла общей ориентировке журналистики на «народность», хотя содержание в это понятие вкладывалось самое разное. Какой же была «народность» славянофилов? Конечно, не революционно-демократической, но и далеко не официальной. Она тесно связывалась с религией, православием, со смирением, как выражением субстанциональных ценных качеств русского народа, и в этом перекликалось до известной степени с «народностью» официальной. Но она же ориентировала «народность» на облик, интересы простого народа, крестьянства, подчеркнуто выключая из понятий «Россия», «народность» правящие классы. Народные интересы, стремления, черты характера понимались и здесь довольно своеобразно, с искажением истинного положения вещей, хотя речь шла не о фальсификации, а об искреннем за-

---

[38] См. Ю. З. Янковский. Из истории русской общественно-литературной мысли 40—50-х годов XIX столетия. Киев, 1972, с. 99—100. Далее: Янковский.

блуждении. Но дело было даже не в искренности, не в ориентировке на простой народ, а именно в противопоставлении крестьянства и правящих классов, противопоставлении, сближавшем «народность» славянофилов со взглядами на народ демократов. Обычно указывается, что власти истолковали в духе подобного противопоставления статью К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ», напечатанную в № 36, что и послужило причиной прекращения «Молвы». Статья и на самом деле давала основания для подобного истолкования. Более того, мысли, характерные для нее, многократно встречались в газете, были типичной особенностью ее направления. Они отразились уже в передовой № 4, в размышлениях о простом народе и остальных жителях России, об образованном обществе. Говоря о последнем, о противоречивости его устремлений, автор замечал: «Исключаем простой народ; он и Россия — одно; он есть разумная стихия России» (с. 41).

Противопоставление простого народа и верхов подробно развито в передовой № 7. В ней осуждается отрыв верхних слоев от своего прошедшего, от самобытного пути развития России. Простой народ же, по словам автора, «не оторвался от родного дерева», «хранит в себе силу жизни» (с. 81), хотя и остановился в своем движении.

Апологией простого народа, противопоставленного правящим классам, является передовая № 9, «Москва, 7 июня». Она звучит подлинным гимном простому народу. «Простой народ, — утверждает автор, — есть основание всего общественного здания страны» (с. 97). По мысли Аксакова, народ — источник и материального благополучия, и внешнего могущества, и внутренней силы, мысли, жизни, духовных ценностей.

Аксаков ставит знак равенства между понятием «народ» и «простой народ», «ибо простой народ, точно, есть *просто народ,* или народ собственно» (с. 98). Он признает, что слово «народ» можно употреблять в более широком смысле, как синоним слова «нация». Но ему кажется естественнее иное употребление этого слова, как синонима крестьян, т. е. христиан: вот причина, «по которой название народа остается преимущественно за низшим сословием» (с. 98).

Преимуществом народа Аксаков считает отсутствие всяких титулов и отличий, всяких званий, кроме звания человеческого и христианского. Он говорит о богатстве подобной бедности, о том, что, стоя на низшей ступени общественной лестницы, народ стоит чрезвычайно высоко, является идеалом для всякого человеческого и христианского общества. С осуждением упоминает Аксаков о тех, для которых слово «мужик» является бранным. Он цитирует басню Крылова «Листы и корни», заканчивая ею передовую № 9, которая во многом по своим мыслям перекликается с точкой зрения Толстого 50-х — начала 60-х гг.

Народ противопоставляется в статье личному, индивидуальному началу, характерному, по мнению автора, для правящих классов.

Противопоставляя высшие классы народу, говоря, что сословные отличия и преимущества — явления, порожденные несовершенством современного мира, Аксаков ставил вопрос об этом не в социальной, а в этически-религиозной плоскости. Он готов был признать, что высшие классы, осознав временность и неправомерность своих преимуществ, но не отказавшись от них на практике, почувствовав «в себе только человека и христианина, — тогда становятся и они народом» (с. 98). Но объективно противопоставление, звучащее в статье, воспринималось как социальное и именно так истолковывалось цензурой.

Критика образа жизни правящих кругов содержится и в «Рассказе из деревенской жизни» (№ 35), подписанном: Имрек (К. Аксаков). Автор писал здесь о желании уйти «от искусственности и постоянной лжи общественного быта», которые особенно сильны в России, где «отвлеченность и ложь нашего общества и света соединены <...> с удалением от самобытности и народности Русской» (с. 396). В статье цитируется стихотворение И. Аксакова «Как часто громкими речами», обличающее светскую жизнь. К. Аксаков призывает оставить искусственное, лживое существование и бежать в деревню, к простой правде, к народному здоровью.

Продолжая рассказ в следующем номере, Аксаков говорит, что «для тех, в которых пробудилось наконец законное чувство Русского человека, для тех, которые сознают отношение нашего общества к народу, для тех бывает неловко и совестно при взгляде на крестьянина; невольно сознаешь свою вину перед ним, сохранившим, в низшем разряде благ, свой образ и быт, — чувствуешь свою неправду: ибо кто же бежал от народа и народности, увлекшись легкомысленно Западным блеском, как не мы?» (с. 405). По словам автора, крестьяне смотрят на человека высших классов, как на чужого, и они, «наша Русь», известны ему менее, чем Америка.

В этом же номере напечатан «Опыт синонимов. Публика — народ», о котором говорилось выше и который вызвал резкое недовольство не только цензуры, но и самого царя.

Критика общества, высших слоев продолжалась и далее, в статье В. Иванова «Несколько слов о просвещении» (№ 37). Здесь, между прочим, утверждалось, что вражда к просвещению характерна не для народа, а для общества. В статье К. Аксакова «Подлинник и список» (№ 38), являющейся как бы продолжением «Опыта синонимов», народ вновь противопоставлен обществу: только крестьяне, по словам автора, хранят еще русский быт, исконные общинные начала.

С точки зрения противопоставления правящим классам наро-

да рассматривалась в «Молве» и проблема воспитания. Так, например, в статье Я. Сахарова (из Костромы) «О воспитании в духе народности» (№ 27) говорилось, что высшие классы многие десятилетия «страждут недугом отсутствия национальности», что «высшее аристократическое воспитание» нелепо и ведет к вырождению (с. 316, 317). Сахаров утверждал, что отрыв высших классов от народа становится все более полным, все отчетливее заметен в каждом новом поколении. И вину он возлагал на нелепое воспитание, начинающееся с домашних учителей-иностранцев, определяемое целиком засилием чужого; затем молодое поколение попадает в университет, где ему твердят, что «древняя Россия была дрянь-дрянью <...> и сгнила бы непременно, если бы полтора столетия тому не стали предки наши просвещаться голландским умом и французскою нравственностью» (с. 317); заканчивается воспитание высших классов поездкой в чужие страны, и человек этого круга остается на всю жизнь иностранцем.

Сахаров критикует также индифферентный космополитизм воспитания средних классов. По его мнению, даже на тех людях, которые самостоятельно мыслят, сознают порочность русского европеизма, считают, что русские должны быть русскими, лежит печатать ложного воспитания, мешающая воплотить им свои воззрения в дело, в жизнь, согласную с их убеждениями. Сахаров вообще не верит в нынешнее поколение, исковерканное дурным воспитанием, но надеется, что можно уберечь от порчи детей, строя их воспитание на новых основаниях, знакомя их с ранних лет с жизнью простого народа, с народным искусством, поэзией; это не помешает детям, когда они вырастут, понимать Гегеля, восхищаться Шекспиром и Моцартом.

Знаменательно, что Сахаров, говоря о воспитании, не отвергает роли подлинных ценностей зарубежной культуры. Речь идет лишь об уважении к своей, о связи с простым народом, о знании его жизни. И критика подражания, безусловной ориентировки на европейское воспитание в первую очередь связана с неприятием воспитания и всего статуса жизни правящих классов.

Подобные же мысли отразились и в статье А. П. Чебышева-Дмитриева «Несколько слов по поводу толков о воспитании», напечатанной в «Смеси» № 31. Недостатки воспитания автор объяснял тем, что люди, принадлежащие к правящим классам, ведут жизнь, не вызывающую к ним сочувствия ни младших, ни низших, забыв, что лучший воспитательный пример — жизнь самого воспитателя; они тщетно рассчитывают на доверие и уважение, достигнутое «не самоусовершенствованием, не строгостью к самим себе» (с. 365). Такого рода заявления напоминают в каких-то деталях сформулированную позднее Толстым теорию самоусовершенствования.

На противопоставлении высших классов и народа строилась и

статья К. Аксакова «Два слова о народном обучении», опубликованная в том же номере, что и статья Чебышева-Дмитриева (№ 31). В ней в сущности шла речь не только о несостоятельности попыток людей, принадлежащих к правящим классам, обучать народ, но и обо всем их образе жизни, о полном разрыве с простым народом. С сарказмом говорится о тех, кто решил просвещать народ, «запивая трюфели шампанским, глотая устрицы и вертясь в польке» (с. 362). Прежде, чем нести народу просвещение, нужно, по словам Аксакова, «себя переучить, и восстановить союз с народом, без которого невозможно доверие и невозможно сообщение просвещения» (с. 363). Одновременно Аксаков призывал дать возможность народу учиться, предоставить ему средства для просвещения. Речь шла об обучении народа грамоте, началам арифметики, о создании широкой сети библиотек для народа. В статье отразились православно-христианские установки славянофилов (Аксаков ограничивал содержание народных библиотек преимущественно религиозными книгами), но установка автора на грамотность для народа, сочетавшаяся с критикой правящих классов, ощущалась вполне отчетливо.

Да и в целом редакция «Молвы», идеализируя и романтизируя народ, объективно во многом искажая его облик, вовсе не мирилась с проповедью народной безграмотности, пользы необразованности и темноты. Она приняла активное участие в полемике по поводу «Заметки» Даля, напечатанной в № 245 «С.-Петербургских ведомостей». Даль высказывал опасения, что грамотность может пойти не на пользу народу, что возможны злоупотребления ею, что вряд ли стоит особенно стремиться ее распространять. С отповедью Далю в № 12 «Современника» выступил Е. П. Карнович («Ответ г. Далю на заметку «О грамотности», помещенную в 245 № «Санктпетербургских ведомостей»»), а в № 35 «Молвы» — К. Аксаков. Последний говорил, что злоупотребления грамотностью должны вызвать осуждение злоупотреблений, а отнюдь не самой грамотности (иначе, если быть последовательным, рискуешь дойти, боясь злоупотреблений, до требований отказа пользоваться языком, руками): «Мы думаем, что грамотность есть благо всегда и во всякую минуту, что, следовательно, распространение ее всегда должно быть желанно, должно быть предметом заботы всех тех, кто может содействовать этому распространению» (с. 400). По мнению Аксакова, «бояться для народа грамотности — это какое-то оскорбительное недоверие к народу» (с. 399).

Да и злоупотребления грамотностью, на которые указывал Даль, по словам Аксакова, не порочат ни народа, ни грамотности: следует понимать, что они не случайны, что если многие грамотеи-простолюдины мошеники и мерзавцы, то это лишь свидетельство, «что условия жизни, под которыми живут они, способствуют к такой порче» (с. 399).

Знаменательно, что грамотность народа не объявляется Аксаковым целью, а лишь средством для дальнейшего просвещения народа. «Именно поэтому, думаем мы, и должно распространять ее» (с. 399).

Как и в многих других статьях «Молвы», в выступлении по поводу заметки Даля сказывается славянофильские представления о несостоятельности просвещения образованных классов, о том, что народ не примет из их рук просвещения, об особом характере просвещения народа, о роли в нем религиозных начал. Однако, по мнению Аксакова, подобные выводы вовсе не отменяют необходимости обучения народа грамотности людьми, принадлежащими к образованным классам, несмотря на все недостатки их образования. Такое обучение Аксаков объявляет первостепенной задачей, позднее же грамотный народ сам займется своим просвещением. Важно дать ему средство для просвещения — грамотность, а народ сам решит, как его лучше использовать. Даже просвещение в духе славянофилов Аксаков не считает правомерным навязывать народу. Надо обучить его грамоте и отойти в сторону.

Подобные концепции народного просвещения были во многом несостоятельны и утопичны. Но они отнюдь не сводились к ограниченью народного просвещения умением читать и считать. Подобное умение, по Аксакову, лишь начальный этап, открывающий путь для подлинного просвещения народа, избранного и осуществленного именно народом.

На первых же порах «Молва», как и «Современник», призывала учить народ грамоте: «Рано! — восклицает г. Даль. — Всегда пора! — отвечаем мы ему» (с. 400).

Полемика по поводу выступления Даля продолжалась и в № 37. В. Иванов, автор статьи «Несколько слов о просвещении», высказывал удивление, что пользу грамотности приходится доказывать, что в этом вопросе существуют еще какие-то сомнения. Он ставил в один ряд статьи Е. П. Карновича в № 10 «Современника» и К. Аксакова в № 35 «Молвы» и выражал солидарность с высказанными в них мнениями.

Редакции «Молвы» с одобрением откликается на напечатанную в «Современнике» (№ 5) статью В. И. Ламанского «О распространении знаний в России». Автор ее ратовал за увеличение числа научных переводов, предлагал учредить общество, содействующее таким переводам, распространению знаний. Редакция «Современника» придавала предложениям Ламанского большое значение. В том же номере «Современника», в начале «Заметок о журналах», Чернышевский обращал на статью Ламанского особое внимание читателей[39]. В «Заметках о журналах» № 7

[39] Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. М., 1939—1953, т. IV, с. 737. Далее: Чернышевский.

Чернышевский вновь возвращался к предложениям Ламанского, давал подробный обзор откликов на них[40].

Высказывания «Молвы» занимали важное место среди таких откликов. В № 10 напечатана заметка К. Аксакова «О статье г. Ламанского «О распространении знаний в России». Аксаков выражал полную солидарность с положениями записки Ламанского, называл их прекрасными, формулировал ряд конкретных предложений, способствующих, по его мнению, распространению знаний. Попутно он с удовольствием отмечал «правдивый отзыв» Ламанского «о славянофилах и справедливое его утверждение, что славянофилы хотят просвещения, хотят света» (с. 111).

В «Смеси» № 14, в «Письме петербургского студента», вновь с похвалой упоминается статья Ламанского. «Петербургский студент», откликаясь на призыв Аксакова конкретизировать проект Ламанского, формулирует свои уточнения этого проекта. Он ориентирует распространение знаний прежде всего на простой народ, замечая, что просвещение нужно каждому, но особенно необходимо начать распространение знаний с низов, с крестьян, дать для народа полезные и дешевые книги.

Мимоходом с одобрением говорится о статье Ламанского в «Смеси» № 21 «Молвы», в редакционной заметке «Несколько слов о публичных библиотеках». Редакция отмечает пользу таких библиотек, указывает на необходимость создания публичной библиотеки в Москве. Библиотека Московского публичного Румянцевского музея, открытого в 1862 г. (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), явилась осуществлением подобных предложений.

Славянофилов нередко упрекали в том, что они превозносили лишь русскую народность, при этом вкладывая в понятие «народности» реакционный смысл, что они противопоставляли такую «народность» другим, отрицая значение последних, что теория их националистична и шовинистична.

Когда речь идет о материалах, опубликованных в «Молве», в подобные обвинения следует внести довольно существенные уточнения. Редакция «Молвы» вовсе не отрицала других народностей. Более того, она подчеркивала правомерность и важность их развития. Об этом говорилось в передовой № 5 «Москва, 10 мая». Ратуя в ней за развитие народности и признавая одновременно вред исключительности, как злоупотребления народностью, Аскаков призывал к признанию **всякой** народности. Такое признание, по его словам, — лучшее средство уберечься от исключительности: «нужно признать всякую народность; из совокупности их слагается общечеловеческий хор» (с. 57). Нации, потерявшие народность, по Аксакову, выпадают из этого хора; лишь сохранив свою народность, народную физиономию, народ будет иметь и общечеловеческое значение.

[40] Там же, с. 779—789.

Положения, высказанные Аксаковым, во многом напоминали выводы Белинского, сформулированные во время полемики с В. Майковым. Протестуя против «фантастического космополитизма», Белинский, как и Аксаков, считает народность, национальное своеобразие тем вкладом, который вносит каждый народ в сокровищницу общечеловеческой культуры. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский объявляет народность личностью человечества: «Без национальности человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения»[41]. При этом он замечает, что в данном случае «я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов»[42].

Передовая № 5 «Молвы» заканчивается призывом к развитию каждой народности, в сумме составляющих человечество; отвергая притязание на какую-то особую роль русской народности, на преумаление значения других народностей, автор восклицает: «Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире; только они дают действительность и энергию общему труду народов. Да здравствует каждая народность!» (с. 57).

Редакция «Молвы» вовсе не требовала русификации всех народностей, живущих в России, уничтожения их национальных особенностей, культуры. Она считала, что и в этой области «внешняя централизация гибельна. Лишь при самобытном разнообразии может быть внутреннее, живое единство» (с. 11). Приведенное мнение сформулировано уже в № 1, в «Смеси», в сочувственном отзыве о втором томе «Записок о Южной России», издаваемых П. А. Кулишом. В отличие от Каткова, который позднее сочетал протест против чрезмерной централизации с резким осуждением всякого «сепаратизма», национально-культурных устремлений народов, населяющих Россию, редакция «Молвы» относится к такого рода устремлениям с глубокой симпатией.

В «Смеси» № 26 опубликовано письмо М. Л. Налбандьяна, известного деятеля армянской культуры, революционного демократа, корреспондента Герцена и Бакунина, который был позднее арестован и провел несколько лет в тюрьме. В письме «О новом журнале на армянском языке» Налбандьян сообщал об издании в Москве с 1858 г. армянского журнала «Северное сияние», под редакцией Назарьянца[43]. Как известно, этот журнал, выпускаемый видным армянским просветителем, С. И. Назарьяном, при активном участии самого Налбандьяна, стал существенной вехой в развитии армянской культуры, в формировании национально-демократического самосознания. Налбандьян указывал в своем письме, что цель нового журнала — распространение в народе

---

[41] Белинский. Т. X, М., 1956, с. 29.
[42] Там же.
[43] «Северное сияние» выходило в 1858—1864 гг.

общеполезных сведений, что издание ориентировано на народ, на большинство нации. Письмо осведомляло о содержании будущего журнала, заранее знакомило с ним общественное мнение.

Редакция «Молвы», публикуя сведения о «Северном сиянии», сопроводила их заметкой «По поводу письма г. Налбандьянца». В ней выражалась благодарность за присланное письмо и сочувствие изданию армянского журнала. Видимо, редакцию «Молвы» особенно привлекала ориентация «Северного сияния» на простой народ. В заметке отмечалось, что особенно приятно стремление издателей нового журнала поддерживать тесные связи с Россией, с русской культурой. Правда, одобрение в «Молве» «Северного сияния» сопровождалось типично славянофильскими предположениями о том, что, может быть, именно России суждено стать главной посредницей в просвещении Восточных народов силою науки и христианства, что она может сказать много нового и полезного, чего они не услышат от Западной Европы. Редакция выражала надежду, что «Северное сияние» сможет сыграть в этом деле немаловажную роль.

Но главным в заметке было все же признание права на существование армянской национальной культуры, на развитие каждой народности: «Мы, отстаивающие русскую народность, не можем не радоваться успехам развития какой бы то ни было народности. Да здравствует каждая народность! — было сказано в «Молве» (№ 5), потому что только при признании всякой народности уничтожается характер ограниченности и исключительности одной, отдельно взятой какой-нибудь народности» (с. 313).

Подобное понимание народности, определяемое всем направлением «Молвы», признание права на развитие каждой народности, противопоставление народности жизни и мировосприятию правящих классов вызывали весьма неодобрительную реакцию властей, цензурных инстанций. Не случайно именно ряд статей о народности обратил на себя внимание Главного управления цензуры. Чиновник особых поручений Главного управления Волков, которому был поручен надзор за «Молвой», отмечал в своем рапорте передовую № 5, цитируя слова о необходимости признания всякой народности и прибавляя при этом следующее: «Бог знает для чего, для какой цели написан этот трактат о народности?! Иной читатель, пожалуй, подумает, что он написан в защиту тех, которые, вследствие политических переворотов, утратили свою народность! Восклицание **«Да здравствует каждая народность!»** очень напоминает речь Герцена (Искандера), произнесенную им в Лондоне, на сходке польских эмигрантов».[44]

На самом деле в передовой № 5 пропольских симпатий не ощущалось (Волков, кстати, и не обвинял в них автора), но объективный смысл лозунга «Да здравствует каждая народность!»

[44] ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, 1857, № 4152, л. 2. Вероятно, имеется в виду речь Герцена «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне». Герцен, XII.

действительно в какой-то степени перекликался с воззрениями Герцена.

В рапорте от 20 июля Волков особенно выделял передовую № 9 о простом народе. Изложив ее содержание, подчеркнув, что сословные преимущества рассматриваются в ней как нечто временное, «*порожденное несовершенством мира сего*», Волков делал далеко идущие выводы: «По моему мнению, в этих выписанных словах, — ясно видна идея коммунизма и равенства. Во-первых, г. неизвестный автор, неизвестно почему скрывающий свое имя, видит в простом народе великие блага человеческие — какое-то небывалое *братство* и какую-то (понятную только одному ему, г. автору) *цельность жизни;* во-вторых, что простой народ *богат бедностию отличий и титулов;* и наконец в третьих, что все, имеющие титулы, отличия и преимущества, *порожденные несовершенством мира сего,* как скоро забудут, оставят все свои отличия, то тогда, и только тогда, сподобятся насладиться вышеупомянутыми благами человеческими: братством и цельностию жизни! Если во всем этом есть какой-нибудь смысл, то в нем, мне кажется, осмелюсь еще раз повторить, — есть идея коммунизма и равенства» [45].

Основываясь на рапорте Волкова, о передовой № 9 сообщал 30 июля, подробно излагая ее, товарищ министра Народного просвещения, П. А. Вяземский, Управляющему Московского учебного округа, предлагая сделать предупреждение редактору «Молвы» и ее цензору фон-Крузе, обязав последнего быть внимательнее при пропуске статей для аксаковской газеты. «Подобного рода рассуждения, — отмечал Вяземский, — произвольные и без всякого доказательства, несоразмерно возвышающие низшие классы и уничижающие высшие, подают повод к неблагонамеренным толкам, которые доходят до Министерства; эти толки могут в некоторой степени иметь правдоподобие и потому должны обращать на себя внимание высокого начальства. Неприязненное предпочтение одного общественного класса другому противно и духу христианскому и духу правительственному. Делать из *мещанина* и *крестьянина идеал* для всего человеческого и христианского общества, потому только, что он мещанин и крестьянин, есть заключение не только легкомысленное, но и несправедливое, а в применении к гражданскому порядку, даже и вредное» [46].

Не обвиняя, в отличие от Волкова, редакцию «Молвы» в пропаганде идей «коммунизма и равенства», находя, что редактор газеты «без сомнения не желает» толкования «темных выражений», встречающихся в его издании, «в дурную сторону», Вяземский находит, тем не менее, что содержание «Молвы» дает «полный простор» для подобных толкований [47].

---

[45] Там же, л. 5 об—6.
[46] Там же, л. 12.
[47] Там же, л. 12 об.

О передовой № 9 в ее цензурном толковании доводится до сведения царя[48]. Московский цензурный комитет на заседании 2 августа заслушивает предложение товарища министра Народного просвещения, принимает его к исполнению[49]. С редактора «Молвы» Шпилевского берется расписка, что он ознакомлен с оценкой направления газеты, сделанной Вяземским[50].

Обратила на себя внимание цензуры и статья Сахарова «О воспитании в духе народности». В одном из рапортов Волков подробно перелагает ее содержание, подчеркивая, что оно порочит всю систему воспитания, существующую в Росии, и особенно то, как «аристократы наши воспитывают своих детей»[51]. Особенное внимание Волкова обратил на себя призыв Сахарова знакомить детей с жизнью простого народа и на этом строить воспитание молодого поколения. Не скрывая сарказма, цензор иронизировал над подобными советами: «Всего замечательнее в ней — совет автора, по которому мы должны воспитывать детей своих, если хотим, чтобы они были настоящими русскими, между простонародьем, и никак не воспрещать им беседовать с камердинерами и кучерами, назидательные рассказы которых так много способствуют к развитию в ребенке народности! А если кто готовит своего сына в Министры, то не мешает, чтобы в те годы, когда явления действуют не на ум, а на чувство, пожить будущему министру <...> жизнию крестьянского мальчика и в избе зимою на полатьях, и на жатве летом»[52].

Волков сообщал о статье Сахарова министру народного просвещения А. С. Норову, а тот в свою очередь 28 октября 1857 г. обращал внимание на статью о воспитании попечителя Московского учебного округа, подробно останавливался на ее содержании и делал вывод, что такие публичные обвинения совершенно противоположны официальным донесениям, на которых основываются всеподданнейшие доклады о просвещении в России. Норов писал, что обвинения, высказанные Сахаровым в адрес преподавателей, — несправедливы, бездоказательны, оскорбительны и для них самих, и для ведомств, которым они подчиненны; такие суждения не должны получать цензурного одобрения; читатели и родители, знакомясь с подобными взглядами, могут потерять всякое доверие к министерству просвещения, когда цензура, состоящая при нем, пропускает такого рода статьи. Министр предлагал сделать цензору, одобрившему номер (Гилярову-Платонову), строгое замечание, объявив, что при повторении аналогичных случаев он будет «устранен от занимаемой им должности»[53]. Норов предписывал цензору быть осмотрительнее «при цензиро-

[48] Там же, л. 13.
[49] МГА, ф. 31, оп. 5, № 380, л. 53 об.
[50] Там же, № 388, л. 22.
[51] Там же, № 4239, л. 1.
[52] Там же, л. 1 об.

вании и в особенности газеты «Молва», неоднократно обращавшей на себя внимание своими предосудительными в разных отношениях статьями». В исправленном варианте предписание министра было несколько смягчено, но и там сохранились слова о «строжайшем замечании» цензору и о том, что подобные сведения «ни в каком случае не должны были получить цензурного одобрения»[54].

Таким образом, с первых номеров «Молвы» ее направление обращает на себя неблагосклонное внимание властей, делая правомерным и заранее психологически подготовленным тот скандал, который разразился после публикации в № 36 статьи К. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ». Останавливаясь на содержании передовой № 9, подводя итоги всем предыдущим передовым «Молвы», цензор Волков как бы предсказывает этот скандал, заканчивая свой рапорт от 20 июля следующим заявлением: «Вообще все статьи газеты «Молва», которые помещаются в ней без всякого заглавия, а именно, под рубрикой: Москва, такого-то числа и месяца, — и без имени их автора, написаны весьма темно! Если, держась строго цензурным правилам понимать все написанное в этих статьях — буквально, — то часто замечаешь в них отсутствие здравого смысла; если же, помимо означенных правил, — смотреть на эти высокопарные статьи с другой точки, то каждый раз мне кажется, что надо читать в них *между строками*. Я уверен, что в скором времени «Молва» как-нибудь да обмолвится, и тогда можно будет видеть и цель означенных статей и вообще цель и желания славянофилов»[55]. Каламбур Волкова оказался пророческим. Последовал ряд новых столкновений с цензурой, затем скандал по поводу № 36. Редакция была поставлена в такие условия, что продолжать издание стало бессмысленным, и 28 декабря, на 38-м номере, «Молва» прекратила свое существование.

---

[53] Там же, л. 3 об.
[54] ЦГИАЛ, № 4239, л. 50 об.
[55] Там же, № 4152, л. 6.